

РЕЖИССЕР ГЕОРГИЙ ПАРАДЖАНОВ:

НИКОГДА НЕ ВИДЕЛ, ЧТОБЫ СЕРГЕЙ ПЕРЕКРЕСТИЛСЯ. ОН БЕЗУМНО ЛЮБИЛ ЖИЗНЬ

Известия — 2004 — 22 июля — с. 10
(Окончание. Начало во вчерашнем номере «Известий»)

На Каннском кинофестивале состоялась премьера документального фильма Георгия Параджанова «Я умер в детстве», который режиссер посвятил своему дяде Сергею Параджанову. Этот год объявлен ЮНЕСКО Годом Параджанова в связи с его 80-летием. С ГЕОРГИЕМ ПАРАДЖАНОВЫМ беседовал ГАГИК КАРАПЕТЯН.

«КОГДА УМРУ — НЕ СМЕЙ ПОДХОДИТЬ К МОЕМУ ГРОБУ»

Георгий Параджанов: В 81-м Юрий Любимов закончил спектакль о Высоцком. После прогона на обсуждении слово взял дядя и произнес монолог о советском рашизме, уничтожающем лучших сынов Отечества. Наутро раздался звонок, и вежливый голос пригласил Сергея «в гости»: «Вот стенограмма вашего выступления. Надо бы вычеркнуть острые места, это пойдет наверх». — «Слава Богу, что не вниз». — «О чем вы?» — «О подвалах». — «Вычеркивайте, Сергей Иосифович, вычеркивайте...» — «Дайте карандаш». И дядя подчеркнул казанное накануне.

...На суде взятка уже не фигурировала. Кто-то из следователей проговорился: «По-любому на чем-нибудь взяли бы племянника. Чтобы «таскать» из него комромат на Параджанова». То есть силовые структуры получили указание — изолировать его. Ведь Сергей по сему Тбилиси кричал, что все подонки и сволочи, а он, добрая душа, устроил племянника на факультет кошки, машки и мяушки. То есть — кукольный.

...У меня перед глазами черные круги ходили. Я выпупал, но столько испереживался, что стало дурно, когда стоял перед заборчиком, отделявшим меня от Сергея. Ведь почти все считали меня предателем. Но это понятно: дядя устроил племянника в институт, а тот осадил благодетеля в тюрьму. Сейчас отношение изменилось, да и я мало кого вижу.

Однажды спросил Сергея: «Неужели не понимаешь, что я это не делал специально?» — «Нет, я не могу прогнать. Как в тот вечер, когда ты пришел от них и танцевал «Умирающего лебедя» Сен-Санса, не рассказал мне случившемся? Я ведь мог иначе вывернуться». — «Но дал честное слово...»

— После твоих гастролей в Киеве и отсидки дяди в билисской тюрьме вы увиделись уже в доме Параджановых.

Сергей пристал к моей маме с вопросами: «Как я должен поздороваться с Гариком? Как с ним общаться?» Время — хороший лекарь, но когда ссорились, дя-

— Посмотрите «Цвет граната». Там воспевается смерть. Он всегда страшно боялся ее дыхания, был большим паникером. Вспомните «Исповедь» — вся построена на суевериях. Но я никогда не видел, чтобы Сергей перекрестился — дядя безумно любил жизнь.

— Когда виделись в последний раз?

— Летом 90-го, дядю, полуживого, повезли в Париж. Я его занес в самолет. До этого — 4-5 дней — ухаживал за ним в Ереване. Рядом спал на кровати. В больнице выносил «утки», менял белье... Я с Сергеем часто гулял в садике у дома его друзей. Он сидел в кресле-каталке: я его вывозил, привязывая, чтобы он не выпал. К нему периодически возвращалось сознание, чистый взгляд. Когда остались вдвоем, спросил: «Что хочешь, Сергей?» — «Увези домой!». Шепотом ответил. Я у него ассоциировался с Домом. Даже в кровати повторял: «Домой хочу!». Среди ночи просыпался: «Гарик!» — «Что такое, Сергей!» — «Ты здесь? Поехали домой!» Может, не надо было его трогать...

Я ему еще в Тбилиси, когда он лежал в больнице, сообщил, что он получил звание «Народный артист Украины». Показал правительственную телеграмму из Киева. Дядя, видимо, обрадовался — улыбнулся, а сам, как ребенок, свернулся калачиком. Потом повернулся, не понимая сообщение: «Ленинскую премию дали? Там деньги, орден? Пойди, получи». Кому это тогда надо было? Понимаю, благородно, когда присваивают позже звание народного артиста Армении. Сергей мечтал об одном, когда сделал выставку в Ереване: «Неужели не могли принять в члены Союза художников? Мне не нужны эти звания...»

Тюрьмы, зоны в последние месяцы жизни не вспоминал. А до отъезда в Ереван наступило страшное обжорство. И еще он ходил по дому ночью, включал везде свет и лишь потом ложился. «Не могу спать при свете», — я жаловался. Он соглашался, тушил, но спустя 20 минут все повторялось.

«КТО ОТВЕТИТ ЗА МОИ ТРИ ПЯТИЛЕТКИ ГУЛАГА?»

— «Исповедь» Сергей Иосифович рассказывал тебе. Представляешь, как он хотел ее снять?

— Дядя заявил директору картины Вопяну: «Если не Гарик, я бы не снял эти 200 метров». Потому что я фактически стал его главным ассистентом в те 2 дня съемок. Вопян подошел ко мне: «Буду платить 50 рублей в день — продолжишь работу?» Огромные деньги получались. Я ответил: «С удовольствием!» Сергей получал в то время 700 рублей в месяц.

Сергей Параджанов (справа) с племянником Георгием

— Рискнул бы возобновить прерванные съемки? — Никогда! Этого делать нельзя! Наконец, есть моя исповедь «Все ушли...» Герман дважды звонил — просил продать сценарий. Сейчас пишу книгу «Да будут дни твои длинными». Название красиво звучит по-грузински (произносит). «Все ушли...» — одна сотая повествования о Деме, о котором, кроме меня, уже никто и никогда не расскажет.

— Ты говорил: 15 лет молчания Параджанова — это его нереализованные сценарии...

— Сергей повторял: убили 15 лет его жизни. Это — 15 фильмов. Он с большой обидой вопрошал: «Кто ответит за мои три пятилетки ГУЛАГа?» Дядя постоянно называл фамилию, которую больше всех ненавидел: Зельдович. Когда Сергея спросили о председателе Госкино СССР, он ответил: «Ермаш никакого отношения ко мне не имел!» И повторял: «Зельдович!» Может, речь шла о главном редакторе студии имени Довженко? Говорят, жив, книгу пишет...

— Из коллекции замыслов С. Параджанова. У меня есть Сережин эскиз к «Гамлету». Дядя очень хотел его поставить. Существует легенда: он сделал «Гамлета» с уголовниками на зоне. Но он никогда не участвовал в официальной «культурной жизни» лагеря. А о «Гамлете» действительно думал. Такое начало: 12 голых юношей изображают Венеры Дании. На сцене превращаются бычьи пузыри — карта ветры. Эта карта превращается в парус, который все время в движении. В финале в него, ставшего как бы саваном, заворачивают Гамлета...

— Насколько мне известно, ты — единственный в России, кто работает в жанре следов великого предка.

— Когда мне было лет восемь, дядя делал эскиз к «Цвету граната», и все, что падало на пол, — обрезки, обрывки — я собирал и клеил, как он. Дядя радовался, ставил все в рамки: «Посмотрите, что сделал племянник! Он талантливее меня!» Если в доме что-то билось, осколки никто не выбрасывал, зная: любой черепок может потребоваться в коллаж. Из осколков и обрывков родилось, например, гениальное «Ореховое варенье моей бабушки», которое сделал дядя. Теперь считаю пустым суеверием обычай не держать в доме разбитых вещей. Ибо волей или неволей я понял принцип его коллажей, перенял умение делать их, хотя берусь за это редко, когда хочется что-то выразить...

ЕГО НЕЛЬЗЯ ЗАБИВАТЬ

МРАМОРОМ

— В конце 60-х — начале 70-х друг Параджанова — Анатолий Фуженко сделал «любимую» голову Сергея, которая долго находилась в мастерской скульптора. Когда Сергея арестовали по моему «делу» (или я проходил по его «делу»), он писал мне из тюрьмы, зная, что собираюсь на гастроли в Киев (я только закончил театральный институт).

— Из письма С. Параджанова: «С Украины надо привезти мой бюст, сделанный Фуженко. Это голова из гранита. Ее надо упаковать и, погрузив с декорациями, привезти в Тбилиси...»

— Мы с Толей выполнили просьбу дяди. «Голова» могла стать его надгробным памятником.

— Где она сейчас?

— В Ереванском доме-музее. Сергей просил выдолбить на макушке пилу, чтобы туда капала дождевая вода и птички пили воду. Он не хотел, чтобы его «забывали» мрамором. Коль похоронили в ереванском пантеоне (Георгий подошел к гробу, несмотря на запрет, гримировал дядю, как тот когда-то его отца), мне кажется, надо было ставить «качка» (в детстве, вместе с армянского «крест-камень». — «Известия») и «голову».

— После операции в Москве дядя предчувствовал уход из жизни?

ВСЕ УШЛИ

Дом Параджановых больше нет. Он уничтожен. Не ударом молнии. Двоюродный брат из Киева, не сообщив Георгию, продал дом за 5000 долларов. Теперь там обитают «новые грузины». В Тбилиси, приютившем великого земляка — опального художника, нет ни одной приметы, написание только на грузинском языке.

(В публикации использованы письма из архива Георгия Параджанова)